

КУТЯХОВ Олег Евгеньевич,
аспирант, Аккредитованное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
факультет «Публично-правовые (государственно-правовые науки)»,
юрист МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов»,
Москва, Россия,
e-mail: olegomb@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: СОГЛАСОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ С ПОЛОЖЕНИЯМИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав как основных видов цифровых прав, предусмотренных российским законодательством. Анализируются их содержание, порядок возникновения и обращения, состав участников информационных систем, ограничения использования и способы защиты. Выявляется фрагментарность регулирования: сходные по гражданско-правовой природе отношения регулируются двумя федеральными законами, использующими различную терминологию, инфраструктуру и механизмы допуска. Особое внимание уделено цифровым свидетельствам, гибридным цифровым правам, иностранным цифровым правам и использованию цифровых финансовых активов во внешнеторговых расчетах. Обосновывается необходимость разграничивать содержание удостоверенного имущественного права и инфраструктурную форму его учета. Предлагается закрепить в ГК РФ общие правила о выпуске, переходе, обременении, погашении и защите всех цифровых прав, а в специальных законах сохранить регуляторные требования к отдельным рынкам. Сформулирована концепция единого гражданско-правового ядра цифровых прав.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права, цифровое свидетельство, инвестиционная платформа, информационная система, иностранные цифровые права, ГК РФ.

KUTYAKHOV Oleg Evgenievich,
Postgraduate Student, Accredited Educational
Private Institution of Higher Education
"Moscow Financial and Law University MFUA,"
Faculty of Public Law (State and Legal Sciences),
Lawyer, Moscow City Bar Association "Moscow Guild of Advocates and Lawyers,"
Moscow, Russia

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND UTILITY DIGITAL RIGHTS: HARMONIZING SPECIAL LEGAL REGIMES WITH THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article provides a comparative analysis of digital financial assets and utility digital rights as the principal types of digital rights recognized by Russian law. It examines their

content, issuance and turnover; the participants of information systems, applicable restrictions, and remedies. The study identifies regulatory fragmentation: relationships with similar civil-law characteristics are governed by two federal laws that use different terminology, infrastructures, and access mechanisms. Particular attention is paid to digital certificates, hybrid digital rights, foreign digital rights, and the use of digital financial assets in foreign-trade settlements. The author argues that the content of the underlying proprietary right should be distinguished from the infrastructure used to record it. It is proposed that the Civil Code contain common rules on issuance, transfer, encumbrance, redemption, and protection of all digital rights, while special legislation should retain market-specific regulatory requirements. The article develops the concept of a unified civil-law core for digital rights.

Key words: *digital financial assets, utility digital rights, hybrid digital rights, digital certificate, investment platform, information system, foreign digital rights, Civil Code.*

Введение

Российская модель цифровых прав сформировалась как сочетание общего определения в статье 141.1 ГК РФ и специальных режимов, закрепленных в двух федеральных законах № 259-ФЗ. Закон от 2 августа 2019 г. регулирует утилитарные цифровые права в инвестиционных платформах, а Закон от 31 июля 2020 г. — цифровые финансовые активы и цифровую валюту [3; 4]. Совпадение номеров законов при различии предмета регулирования символично отражает сложность и фрагментарность нормативного массива.

Оба вида объектов признаются цифровыми правами, однако имеют неодинаковое экономическое назначение. Цифровые финансовые активы преимущественно используются для привлечения финансирования и удостоверяют денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного акционерного общества либо право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Утилитарные цифровые права обеспечивают притязание на вещь, результат работы, услугу или использование результата интеллектуальной деятельности [3; 4].

Различия содержания оправдывают специальные требования, но не объясняют расхождения в базовых гражданско-правовых вопросах. Момент перехода, добросовестное приобретение, последствия сбоя, обременение, наследование и защита имеют общую природу. Цель статьи состоит в выявлении единого гражданско-правового ядра цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав и формулировании предложений по согласованию специальных законов с ГК РФ.

1. Содержание цифровых финансовых активов

Цифровой финансовый актив представляет собой цифровое право, включающее одно или несколько прямо перечисленных законом имущественных притязаний. Законодатель связывает его существование с информационной системой, основанной на распределенном реестре или иной информационной технологии. Выпуск совершается на основании решения, в котором определяются объем и содержание прав, условия их осуществления, сведения об эмитенте, цена приобретения и иные существенные характеристики [3].

Гражданско-правовая природа конкретного ЦФА определяется базовым правом. Если актив удостоверяет денежное требование, отношения имеют обязательственный характер; если включает право участия в капитале непубличного акционерного общества, появляется корпоративный элемент; если предоставляет право требовать передачи эмиссионной ценной бумаги, он выступает промежуточным инструментом доступа к традиционному финансовому активу. Общий термин «ЦФА» поэтому обозначает инфраструктурную и регуляторную оболочку, а не единый тип субъективного права.

Особенность режима состоит в институциональном контроле. Выпуск осуществляется в информационной системе, оператор которой включен Банком России в соответствующий реестр. Сделки, как правило, совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов либо непосредственно в системе в допускаемых законом случаях. Такая конструкция создает идентифицируемого профессионального участника, ответственно-

го за правила учета, непрерывность работы и исполнение регуляторных требований.

Закон связывает принадлежность ЦФА с включением лица в реестр пользователей и наличием доступа посредством уникального кода. Переход права происходит с момента записи, а обременение — с момента отражения ограничения в системе [3]. Эти положения развивают статью 141.1 ГК РФ, но одновременно демонстрируют, что общая норма слишком лаконична: основные элементы вещеподобной публичности цифрового права фактически сформулированы только на уровне специального закона.

ЦФА нельзя использовать как обычное средство платежа за товары, работы и услуги внутри страны, за исключением предусмотренных законом случаев. Вместе с тем с 2024 г. допускается их использование в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами [3]. Это решение превращает цифровое право из исключительно инвестиционного инструмента в элемент трансграничного исполнения обязательств и требует согласования с валютным, налоговым и коллизионным регулированием.

2. Содержание утилитарных цифровых прав

Утилитарные цифровые права возникают в инвестиционной платформе и могут включать право требовать передачи вещи, передачи исключительного права или права использования результата интеллектуальной деятельности, а также выполнения работ или оказания услуг [4]. Они ориентированы на финансирование проекта посредством предварительного предоставления инвестору будущего имущественного результата. По экономической функции такой инструмент близок к предзаказу, инвестиционному договору или токенизированному требованию исполнения.

Закон исключает из содержания утилитарного цифрового права требования, объект которых подлежит государственной регистрации, нотариальному удостоверению либо относится к имуществу, сделки с которым требуют специальной формы, если иное не предусмотрено законом. Ограничение объясняется тем, что запись на платформе не может

автоматически заменить государственную регистрацию недвижимости, переход исключительного права в предусмотренных случаях или нотариальное удостоверение.

Право возникает с момента внесения записи о его приобретении в инвестиционной платформе. Платформа выполняет функции организованной цифровой среды, в которой инвестор принимает инвестиционное предложение, перечисляет средства и получает запись об утилитарном праве. Оператор платформы включается Банком России в реестр и обязан обеспечить соблюдение правил, идентификацию участников, учет инвестиций и раскрытие информации [4].

В отличие от ЦФА, утилитарное цифровое право обычно связано с нефинансовым исполнением. Это влияет на способы оценки и защиты. Стоимость права зависит от готовности проекта, качества будущей вещи или услуги, возможности замены исполнения денежным возмещением и платежеспособности лица, привлекающего инвестиции. При нарушении инвестор нуждается не только в корректной записи, но и в традиционных способах защиты обязательственного права — присуждении к исполнению, отказе от договора, возврате средств и убытках.

Утилитарный характер не означает потребительскую природу каждого отношения. Инвестор может действовать в предпринимательских целях, а приобретаемый результат — использоваться в бизнесе. Применение законодательства о защите прав потребителей зависит от субъектного состава и цели приобретения, а не от цифровой формы права. Правила платформы не вправе устранять императивные гарантии слабой стороны, если они применимы к базовому обязательству.

3. Цифровое свидетельство и вторичный оборот

Для обеспечения оборота утилитарных цифровых прав законодатель предусмотрел цифровое свидетельство — неэмиссионную бездокументарную ценную бумагу, удостоверяющую принадлежность утилитарного цифрового права. Оно учитывается депозитарием и позволяет включить цифровое требование в привычную инфраструктуру рынка ценных бумаг [4]. Конструкция представляет собой

юридическую «обертку второго уровня»: ценная бумага удостоверяет цифровое право, которое, в свою очередь, удостоверяет требование к обязанному лицу.

Преимущество цифрового свидетельства заключается в использовании правил депозитарного учета, залога и перехода бездокументарных ценных бумаг. Инвестору не требуется непосредственно взаимодействовать с инвестиционной платформой при каждой операции. Однако многослойность усложняет распределение рисков: ошибка может возникнуть в платформе, у депозитария или при согласовании двух учетных систем. Закон должен ясно определить, какая запись является приоритетной и кто отвечает за расхождение.

С гражданско-правовой точки зрения цифровое свидетельство не изменяет содержание утилитарного права. Обязанным по передаче вещи или оказанию услуги остается лицо, привлекающее инвестиции, а депозитарий лишь удостоверяет принадлежность опосредованного права. Поэтому погашение свидетельства должно обеспечивать возможность получить и осуществить базовое цифровое право, а прекращение последнего — отражаться в депозитарном учете.

Вторичный оборот зависит от стандартизации и информационной прозрачности. Приобретатель должен иметь доступ к условиям инвестиционного предложения, сведениям об обязанном лице, сроку исполнения, ограничениям передачи и рискам проекта. Простая запись о количестве токенов не раскрывает содержание требования. Следовательно, принцип публичной достоверности цифровой записи должен дополняться доступностью юридически значимых условий выпуска.

4. Гибридные цифровые права и проблема классификации

Специальный закон допускает выпуск гибридных цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права. Экономически это позволяет объединить денежное требование с правом на товар, услугу или иной результат. Например, инвестор может получить право на возврат финансирования и дополнительное право на продукцию проекта. Гибридная конструкция повышает гибкость, но усложняет

квалификацию.

При гибридном праве невозможно ограничиться доминирующим элементом, поскольку каждый компонент может иметь самостоятельные условия осуществления и защиты. Денежное требование подчиняется правилам о сроке, процентах и зачетах; право на вещь — требованиям к качеству, комплектности и передаче; корпоративный компонент — нормам о принятии решений и раскрытии информации. Запись объединяет эти элементы, но не превращает их в однородное право.

Вопрос возникает и при частичном исполнении. Погашение денежного компонента не всегда должно прекращать право на нефинансовое предоставление. Информационная система обязана поддерживать раздельное отражение исполнения каждого элемента. Иначе единая запись не позволит установить остаточный объем прав. Решение о выпуске должно содержать правила делимости, последовательности исполнения и последствий прекращения отдельных компонентов.

Классификация гибридного права важна для допуска инвесторов и ограничений оборота. Если хотя бы один компонент обладает признаками рискованного финансового инструмента, регулятор может распространить на весь выпуск требования к квалифицированным инвесторам. Однако гражданско-правовые последствия следует определять дифференцированно. Регуляторный режим продукта и природа каждого субъективного права не должны смешиваться.

5. Иностранные цифровые права и трансграничный оборот

Изменения 2024 г. предусмотрели возможность допуска иностранных цифровых прав к обращению в Российской Федерации и предоставили Банку России полномочия устанавливать особенности их учета и приобретения [5]. Иностранный цифровой объект может быть функционально сходен с российским ЦФА, но создан по праву другой юрисдикции и учтен в зарубежной системе. Его допуск требует проверки содержания, эмитента, инфраструктуры и исполнимости прав российского приобретателя.

Ключевой гражданско-правовой вопрос заключается в применимом праве. Правила

российской системы могут регулировать внутренний учет и сделки на территории России, но содержание обязательства эмитента определяется правом выпуска. Инвестор должен понимать, какое право регулирует действительность актива, объем требований, основания прекращения и способы защиты. Без раскрытия коллизионной привязки допуск иностранного цифрового права создает иллюзию полной подчиненности российскому режиму.

Необходима модель признания иностранной записи. Российский оператор не создает базовое право заново, а отражает его в своей системе либо обеспечивает доступ к зарубежному учету. Поэтому должна быть исключена ситуация двойного распоряжения одним активом. Технические и договорные механизмы блокирования в исходной системе, номинального держания или синхронизации записей должны иметь юридически проверяемый характер.

Ограничение приобретения отдельных иностранных цифровых прав гражданами направлено на защиту непрофессиональных инвесторов [3]. Однако оно не решает проблему взыскания и наследования уже принадлежащего актива. Переход к наследнику или кредитору по судебному акту не должен блокироваться так же, как добровольная инвестиционная покупка; закон обязан предусмотреть специальный режим вынужденного приобретения с последующей реализацией допустимому лицу.

Использование ЦФА во внешнеторговых расчетах повышает значение окончательно цифрового исполнения. Стороны должны определить момент исполнения денежного обязательства, валюту оценки, распределение риска волатильности, последствия отказа иностранной инфраструктуры и порядок разрешения споров. Передача ЦФА может быть встречным предоставлением, но не устраняет необходимость оценить исполнение в денежном выражении для бухгалтерских, налоговых и санкционных целей.

6. Фрагментарность специальных режимов

Раздельное регулирование ЦФА и утилитарных цифровых прав исторически объяс-

нимо: законы принимались для разных рынков и задач. Однако гражданско-правовая общность объектов проявляется в цифровой форме учета, конститутивном значении записи, наличии оператора, необходимости идентификации обладателя и зависимости осуществления от правил системы. Эти элементы должны регулироваться единообразно, независимо от того, удостоверяет токен денежное или нефинансовое требование.

Фрагментарность выражается в различной терминологии. В одном законе используется «информационная система, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов», в другом — «инвестиционная платформа»; различаются понятия пользователя, инвестора, лица, привлекающего инвестиции, оператора и номинального держателя. Различие ролей допустимо, но общие категории обладателя цифрового права, записи, обременения и погашения должны иметь одинаковое значение.

Еще одна проблема — разный уровень детализации защиты. Специальные законы в основном регулируют допуск и деятельность операторов, тогда как последствия недействительной операции, ошибки учета, компрометации доступа и неисполнения судебного акта раскрыты недостаточно. В результате гражданско-правовой спор решается сочетанием общих норм, правил платформы и технических документов, которые не всегда согласованы.

Избыточное перенесение гражданско-правовых норм в каждый специальный закон также нежелательно. Оно приводит к расхождению и усложняет появление нового вида цифровых прав. Рациональнее сформировать в ГК РФ общий институт, а специальные законы использовать для определения состава удостоверяемых прав, требований к выпуску, профессиональным участникам, раскрытию информации и регуляторному надзору.

7. Концепция единого гражданско-правового ядра

Единое гражданско-правовое ядро должно включать правила о возникновении, принадлежности, переходе, обременении, погашении и защите цифрового права. Во-первых, право возникает с первой записью, если закон не свя-

зывает возникновение с иным юридическим фактом. Во-вторых, обладателем презюмируется идентифицированное лицо, указанное в системе. В-третьих, переход и обременение приобретают силу для третьих лиц с момента записи.

В-четвертых, решение о выпуске и правила системы должны быть доступны приобретателю на протяжении всего срока существования права, а их существенные условия не могут изменяться в одностороннем порядке во вред обладателю без предусмотренного законом согласия. В-пятых, погашение допускается только при прекращении удостоверенного права либо в иных прямо установленных случаях. Техническое удаление записи не должно прекращать неисполненное обязательство.

В-шестых, оператор обязан обеспечивать доказуемость истории, резервирование, внесение судебных ограничений и восстановление учета. При прекращении деятельности должна действовать процедура передачи реестра другому оператору или преобразования записи в иной юридически признанный способ удостоверения. Обладатель не должен утрачивать право из-за прекращения бизнеса технологического посредника.

В-седьмых, необходимо закрепить универсальные способы защиты: признание принадлежности, восстановление записи, блокирование операции, принудительный перевод, погашение недостоверной записи и возмещение убытков. Судебный акт должен исполняться оператором непосредственно, без необходимости заключения фиктивной сделки или получения согласия лица, утратившего право.

В-восьмых, добросовестный приобретатель должен получать защиту при доверии к надлежащей системе, если спор или обременение не были отражены и приобретатель не знал о нарушении. Конкретные пределы защиты могут зависеть от вида базового права: для корпоративного участия, потребительского требования или права на индивидуально-определенную вещь допустимы разные последствия. Но сама презумпция доверия к записи должна быть общей.

8. Предложения по изменению законодательства

Статью 141.1 ГК РФ целесообразно допол-

нить положениями о решении или ином основании выпуска цифрового права, моменте записи, презумпции принадлежности и обязанности лица, обеспечивающего функционирование системы. Кодекс должен закрепить рамочную модель, не привязанную к распределенному реестру и конкретному регулятору.

В специальных законах следует унифицировать понятия записи, обладателя, перевода, обременения и погашения. Различия должны сохраняться лишь там, где они обусловлены содержанием базового права и характером рынка. Например, требования к квалификации инвестора уместны для рискованных финансовых активов, но не должны автоматически распространяться на утилитарное право получить обычный товар или услугу.

Необходимо нормативно урегулировать взаимодействие нескольких систем. Цифровое свидетельство, иностранное цифровое право и номинальное держание создают параллельные уровни учета. Закон должен определить приоритет записи, процедуру сверки, последствия расхождения и солидарную либо долевую ответственность инфраструктурных участников. Участник оборота не должен самостоятельно устанавливать, на каком уровне произошла ошибка.

Для гибридных цифровых прав следует закрепить принцип раздельной квалификации компонентов. Решение о выпуске обязано раскрывать состав каждого притязания, условия его исполнения и погашения. Частичное прекращение одного компонента должно отражаться без автоматического прекращения остальных, если иное прямо не установлено условиями выпуска и не нарушает императивные нормы.

В трансграничном обороте требуется обязательное раскрытие применимого права, компетентного суда или арбитража, способа признания иностранной записи и механизма принудительного исполнения. Российский допуск не должен восприниматься как государственная гарантия исполнения иностранным эмитентом, но обязан обеспечивать инвестору достоверную информацию о юридической структуре продукта.

Заключение

Цифровые финансовые активы и утилитар-

ные цифровые права различаются экономическим назначением и содержанием удостоверяемых притязаний, но обладают единым гражданско-правовым механизмом: право существует и обращается посредством записи в регулируемой информационной системе. Поэтому их нельзя ни полностью унифицировать, ни изолировать друг от друга. Унификации подлежит инфраструктурная часть, дифференциации — содержание базового права и рыночные риски.

Фрагментарность двух специальных законов создает неоправданные расхождения в терминологии и защите. ГК РФ должен содержать общее ядро цифровых прав, включающее правила принадлежности, перехода, об-

ременения, погашения, доказательственного значения записи, ответственности оператора и исполнения судебных актов. Специальное законодательство должно регулировать выпуск, раскрытие, допуск инвесторов и надзор.

Предлагаемая модель особенно важна в связи с развитием гибридных и иностранных цифровых прав, а также использованием ЦФА во внешнеторговых расчетах. Чем сложнее инфраструктура и больше уровней учета, тем выше потребность в единых частноправовых принципах. Согласование специальных режимов с ГК РФ позволит сформировать предсказуемый цифровой оборот без утраты правовой природы конкретных имущественных притязаний.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
- [3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 20 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
- [4] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
- [5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [6] По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [7] Банк России. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [8] Банк России. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [9] Банк России. Реестр операторов инвестиционных платформ. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [10] Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
- [11] Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 32–43.
- [12] Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых прав // Lex russica.

2020. Т. 73. № 10. С. 21–31.

[13] Ефимова Л. Г., Егорова М. А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 130–140.

[14] Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108–116.

[15] Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.

[16] Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

References:

[1] *Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.*

[2] *On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. Art. 1224.*

[3] *On digital financial assets, digital currency, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.*

[4] *On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Art. 4418.*

[5] *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of August 8, 2024 No. 221-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: August 1, 2026).*

[6] *On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency...": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: August 1, 2026).*

[7] *Bank of Russia. Register of operators of information systems in which digital financial assets are issued. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[8] *Bank of Russia. Register of Digital Financial Asset Exchange Operators. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[9] *Bank of Russia. Register of Investment Platform Operators. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[10] Novoselova L. A., Gabov A. V., Savelyev A. I. [et al.] *Digital Rights as a New Object of Civil Law // Law. 2019. No. 5. pp. 31–54.*

[11] Ayusheeva I. Z. *Digital Objects of Civil Rights // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 7. pp. 32–43.*

[12] Grin' O. S. *Obligatory Relations Regarding Digital Rights // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 10. pp. 21–31.*

[13] Efimova L. G., Egorova M. A. *The Concept of Cryptocurrency in the Context of Improving Russian Legislation // Lex russica. 2019. No. 7. pp. 130–140.*

[14] Bogdanova E. E. *Problems of Applying Smart Contracts in Transactions with Virtual Property // Lex russica. 2019. No. 7. pp. 108–116.*

[15] *Law of the Digital Environment: Monograph / edited by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow: Prospect, 2022. 896 p.*

[16] *Digital law: textbook / edited by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow: Prospect, 2020. 640 p.*